

— Сижу в Пулково с 6.30, а сейчас 18.10. Очередная задержка рейса на Калининград до 21 часа. Ночевал у Лариски Зеленковой в Старом Петергофе после защиты Лёньки Захарова. Встал в 4 утра, ехал электричкой 5.15, торопился. Первая задержка была до 11, потом до 14, потом до 16. В 15.30 отправили* рейс Мурманск-Ленинград-Калининград, который должен был лететь позже нас, а нам объявили задержку (по метеоусловиям!) до 21. Вот, сижу и пишу. В портфеле колбаса варёная тухнет.

— *Судя по всему, их тоже не отправили. В 21 объявили задержку обоих рейсов до 23 часов.

— Опускаю, чтобы вписать позже - нет дневника с собой - период с 24 июля по 16 сентября 1985 года: болезнь Миши, Иринка с ним в больнице, Михалыч ездил в Ленинград по телеграмме (дурацкой) Димы забирать его из психбольницы, поездки с Митей за грибами в Владимирово, настольный теннис с Михалычем и Димой, разговор с Михалычем по пьянке о Диме, потом и Дима подошёл (увеличитель!) - на Иринкин день рождения? Митя опять стал ходить на футбольную секцию.

— С 16-го по 21-е сентября 1985 года в Новосибирске проходил 4-й Всесоюзный семинар по ионосферному прогнозированию. Из Калининграда, как обычно, летела целая бригада. Мы с Сашулей, оставив одних детей и внука, летели вместе с Кореньковыми, Ваней Карповым и Карвецким. В Москве заходили к Бiryюковым, но не застали их дома. В Новосибирск прилетели рано утром и в аэропорту натолкнулись первым делом на... Серёжу Лебле. Такого рода встречи с ним в разных точках необъятной нашей Родины стали у нас доброй традицией. А в гостинице нас встречал Саенко, который перед этим заезжал в ИЗМИРАН. Он сообщил мне, кстати, что с "Туканом" всё в порядке - тему в Президиуме приняли, премию дают, так что не зря я старался.

— Поселились мы в гостинице "Центральная", кажется, в самом центре, у знаменитого театра Оперы и Балета, который и по сю пору остаётся главной, если не единственной архитектурной достопримечательностью Новосибирска. Перед театром же огромная площадь перепахана строительством метро. В этот раз я познакомился с Новосибирском, разумеется, поближе, чем когда летел из Томска с защиты Новикова в прошлом году, но впечатление от города не улучшилось. Ходили в Картинную галерею, довольно богатая, много Рериха. Мы с Ваней быстро её обскакали, а Серёжа с Сашулей бродили долго и всё рассматривали очень тщательно. Серёжа даже что-то в блокнотик записывал. Для отчёта Люде, наверное.

— Вторым культурным мероприятием, произведшим несравненно более сильное впечатление, было посещение консерватории, где выступали с концертом юные сибирские вундер-скрипачи Вадим Репин и Максим Венгеров. Про последнего мы до этого ничего не слышали и шли, собственно, на Вадима Репина, известного уже на весь Союз, показанного по ЦТ, лауреата конкурса имени Венявского и т.д., и т.п. Он выглядел уже не мальчиком, а юношей (ему лет 15, кажется), грузноватым и державшимся очень солидно. Играл, конечно, мощно, очень классно.

— Но ошеломил нас не он, а выступавший в первом отделении Максим Венгеров, мальчик лет одиннадцати, ученик Брона, как и Репин. Выйдя на сцену, он долго сосредоточивался, терпеливо выжидая, когда в зале наступит полнейшая тишина, и выглядел каким-то замороженным. Играл же очень темпераментно, живо и очень технично. Ему от души аплодировали, вручили несколько букетов цветов, а он, раскланявшись, церемонно преподнёс их маме и бабушке, сидевшим неподалёку от нас. Очень трогательная была картина. Мама держалась строго, а у бабушки блестели слёзы на

глазах.

—И насколько иначе, раскованнее, он выглядел, когда, переодевшись в обычный свитер, пришёл вместе с приятелями на выступление Репина, - обыкновенный мальчишка, от церемонности и следов никаких не осталось, перед началом второго отделения вертелся, спорил о чём-то с приятелями, тоже музыкантами, конечно.

8 марта 1986 г., Пулково

—Продолжаю сидение. Вчера в 21.40 объявили, что рейс переносится на 8-е на 10.00. В 10 объявили задержку до 14. В Одессу не отправляют уже третьи сутки. Народ с ума сходит. Один кричит на весь зал, что ему только что по телефону сообщили, что в Одессе солнце! Я совет давал одному нервному - представь себя чемоданом...

—Вернёмся, однако, в Новосибирск. Погода была солнечная, днём до 20 градусов, а утром 4. Стояла золотая осень, деревья желтели прямо на глазах. Особенно заметно это было в Академгородке, куда мы ездили дважды с интервалом в пару дней. Сашуле там очень понравилось. Лесопарк, действительно, очень хорош, а дома страшненькие, что жилые, что корпуса институтов. Только и радости, что в лесу, воздух чистый, бегать есть где, белочки почти ручные прыгают.

—Были в гостях у Израилевых - Нины и Феликса, с которым я когда-то (после первого курса) прорубал геодезическую просеку в ораниенбаумском лесу под началом Рабиновича. Они рассказали про Мишку Крыжановского. Оказывается, он давно физику бросил, работает инженером в каком-то ДК в Ленинграде, директор которого покровительствует основной теперешней Мишкиной деятельности, состоящей в том, что он пишет на магнитофон всех полуподпольных отечественных бардов, включая и покойного Высоцкого, и разъезжает с этими записями по Союзу в качестве пропагандиста народного творчества. Делает это вполне официально. Показали нам воркутинскую газету, что-то вроде "Правды Заполярья" с сообщением в таком роде, что "сегодня в ДК таком-то перед жителями нашего города выступит гость из Ленинграда Михаил Викторович Крыжановский, который расскажет о творчестве Владимира Высоцкого с прослушиванием его записей. Вчера такая встреча состоялась там-то и произвела большое впечатление на собравшихся. Спешите посетить и т.п." Аппаратура у него классная, и фонотека обширнейшая, если не крупнейшая в Союзе. Ай да Мишка! Кто бы мог подумать - бывший культурист!

—У Израилевых мы впервые услышали и пришли в восторг от "Римской империи времени упадка" Окуджавы.

—Новосибирск был завален арбузами. Мы позарились и купили два огромных. Оказались напрочь зелёными. Тем не менее съели.

—Сам же семинар был не очень интересным. Данилов раздувал ажиотаж вокруг положительных ионосферных возмущений, не связанных с магнитными. Он приписывал их влиянию каспа, но само это влияние, его механизм представлял себе очень смутно. Было видно, что всё это городится для диссертации его юной протеже - Ларисы Морозовой.

—Коля Климов рассказывал о своих зловключениях с докторской. Его притормозило своё же сибизмировское начальство - директор Жеребцов и замдиректора Пономарёв, причём явно не из научных соображений. Теперь Коля на своей шкуре почувствовал то, что пришлось пережить Коену, против которого сам Коля мобилизовывал сибизмировцев, тех же Жеребцова с Пономарёвым.

—Я посмотрел Колину диссертацию и пообещал ему поддержку, даже, если понадобятся, - оппонентские услуги. Коля явно обрадовался. Похоже, от меня он этого не ожидал, думая, что раз я поддерживал Коена и Хазанова, против которых он выступал, то буду теперь против его работы.

(продолжение следует)

[Главная страница](#) — [Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)